

УДК 94(575.2)+321

Дина Ахметжановна Аманжолова
Институт российской истории РАН

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КЫРГЫЗОВ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Dina Akhmetzhanovna Amanzholova
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

PROBLEMS OF ETHNOPOLITICAL DEVELOPMENT OF THE KYRGYZ PEOPLE IN THE SOVIET PERIOD

Аннотация. Советское нациестроительство сыграло исключительную роль в этнической истории кыргызов. Оно имело комплексный характер и подразумевало не только реализацию принципа национального самоопределения, который воплотился для кыргызов через последовательное повышение статуса национальной государственности в составе СССР – от автономной области к автономной и затем союзной республике. Автор анализирует основные инструменты и роль различных акторов в политике советского нациестроительства. Особое внимание уделяется специфике федеративного строительства в 1920-е гг., роли этнополитических элит центральноазиатского региона во взаимодействии с центром и между собой. Рассматриваются проблемы коренизации как инструмента нациестроительства, вклад ведущих участников этого процесса, включая интеллигенцию, педагогические кадры, средства образования, просвещения и пропаганды.

Ключевые слова. Советское нациестроительство, этнополитическая элита, федерализм, автономия.

Abstract. Soviet nation-building played an exceptional role in the ethnic history of the Kyrgyz. It was of a complex nature and implied not only the realization of the principle of national self-determination, which was embodied for the Kyrgyz through the consistent elevation of the status of national statehood within the USSR – from an autonomous region to an autonomous and then a union republic. The author analyzes the main tools and the role of various actors in the policy of Soviet nation-building. Special attention is paid to the specifics of federal construction in the 1920s, the role of the ethnopolitical elites of the Central Asian region in interaction with the center and among themselves. The article examines the problems of organization as a tool of nation-building, the contribution of the leading participants in this process, including the intelligentsia, teaching staff, educational tools and propaganda.

Keywords. Soviet nation-building, ethnopolitical elite, federalism, autonomy.

Современная историография признает исключительную роль советского нациестроительства в этнической истории кыргызов [1,2,3,4], самоопределение которых, как и других народов бывшей Российской империи, оказалось возможным в начале прошлого столетия в рамках большевистского проекта государственного переустройства Евразии. Показаны особенности конституционного статуса автономий в составе РСФСР [5]. Б. С. Сарсенбаев обратил внимание на сюжеты, связанные с позицией представителей кыргызской и казахской политической элиты в середине 1920-х гг. в связи с т.н. «рыскуловским» совещанием [6]. Этнополитическое развитие кыргызов в XX веке достигло пика в советской

модели государственности от автономной области к автономной республике, затем по Конституции СССР 1936 г. она обрела статус союзной. Следующий этап, как известно, наступил с распадом СССР в конце 1991 г. и образованием самостоятельных государств на основе и в границах бывших советских союзных республик.

Национально-государственное строительство служит основным инструментом конструирования современных наций в XX веке. Этнополитическая составляющая представлялась решающим фактором национального прогресса, как условия для успешного развития экономики, социальной и культурной сфер силами прежде всего и главным образом государства. Больше-

вистская модель социалистических преобразований, опиравшаяся на западную марксистскую парадигму, в сфере национальной политики разрабатывалась и реализовалась достаточно оперативно, в тесной связи с борьбой за укрепление власти и советской государственности. Иерархическое устройство федерации, которая складывалась как ситуативный ответ на притязания национальных партий и движений, стало достаточно долгосрочной перспективой этнополитического развития народов, в том числе кыргызов, которые обрели независимость в конце XX столетия в границах, оформленных в основном в раннесоветский период.

Автономизм, воплощенный в советской национальной государственности, обрел серьезную популярность и получил распространение в России в начале XX века, и у кыргызов выразился в приверженности проекту Алаш, выдвинутому казахскими деятелями во главе с А. Букейхановым. Этот импульс имел определенное значение. Кара-Киргизия обрела статус автономной области после того, как в 1922 г. часть киргизской интеллигенции (Ю. Абдрахманов, Э. Арабаев, А. Сыдыков, в т.ч. считающиеся алашевцами) выступила с инициативой создания Горной Киргизской области, поддержанной в ЦК Компартии Туркестана [7]. К сожалению, пока не исследован вопрос о том, насколько первые проекты кыргизской интеллигенции были жизнеспособны в имевшихся социально-экономических и политических условиях. В то же время они, безусловно, сыграли свою роль в продвижении идеи отдельной автономии для кыргызов. Сохраняется и потребность в контекстуальном осмыслении динамики кыргизского национально-государственного строительства в советской федерации, вклада разных групп влияния и участников этого процесса на местах и в центре, их взаимодействия и позиционирования.

С продвижением идеи национального размежевания в 1924 г. интенсифицировались дискуссии между национальными лидерами, представителями центра в регионе и в Москве. В них проявились особенности понимания существа федерализма и национальной государственности, причем особенно чувствительными были вопросы границ, а

также полномочий и компетенций центра и новых этнополитических образований. Не последнюю роль играли амбиции и нюансы политической культуры участников, их опыт взаимодействия и личных отношений. Если «узбеки и киргизы [имеются в виду казахи – Д.А.], и туркмены по вопросу о национальном размежевании», по мнению секретаря ЦК Компартии Туркестана И.М. Варейкиса (И.В. Сталину, конец марта 1924 г.) проявили единодушие, то «обиженными чувствуют себя кара-киргизы, интересы которых, несомненно, узурпируются». При этом казахские деятели в ЦК КПТ предлагали разделить Туркестанскую республику (ТАССР) на автономные области, а узбекские, туркменские и киргизские были за «республиканское размежевание среднеазиатским партийным центром и экономсоветом». Возникшая тогда же идея оформления Среднеазиатской федерации (возможно, по примеру Закавказья), и вопрос о статусе Ташкента также вызывали разногласия, как сообщал нарком иностранных дел Г.В. Чичерин И.В. Сталину, членам Политбюро ЦК РКП(б) и членам коллегии наркомата иностранных дел в апреле 1924 г. [8].

5 мая 1924 г. на заседании казахско-киргизской национальной комиссии (С. Асфендияров, Р. Худайкулов, И. Арабаев, К. Адинаев, Ю. Абдрахманов как секретарь) было предложено объединить в федерацию Казахскую АССР, Узбекскую, Туркменскую республики, Таджикскую и Киргизскую автономные области на правах республик с центром в Ташкенте [9].

Заместитель наркома по делам национальностей Г.И. Бройдо также выступал за создание Среднеазиатской федерации (Союза Среднеазиатской ССР как пятого члена СССР), по крайней мере, в будущем, предлагая уже в 1924 г. образовать Кара-киргизскую автономную республику. Как заявил секретарь ЦК РКП(б) Я.Э. Рудзутак на пленуме ЦК партии в докладе о размежевании (октябрь 1924 г.), киргизы настаивали на желании «образовать независимую автономную область», не входя в состав Казахстана, поскольку считали, что «ни обычай, ни уклад жизни горных киргиз не соответствует укладу жизни и обычаям» степных казахов [10, с.220,246].

Киргизские представители в Средазбюро ЦК партии при этом настаивали на включении своей области «непосредственно в РСФСР с экономическим сотрудничеством со Среднеазиатскими республиками через Среднеазиатский экономический совет», который координировал финансовую, промышленную и сельскохозяйственную политику и к тому же получал из центра финансовую помощь для всего региона [10, с.190,212-213]. По завершении размежевания в Среднеазиатский ликвидационный комитет (Ликвидком), образованный в ноябре 1924 г., вошел представитель автономии И. Айдарбеков. Позиция кыргызских лидеров оказалась дальновидной, поскольку в недалекой перспективе обеспечила повышение статуса Киргизии до автономной республики в 1927 г., а в 1936 г. – союзной. Киргизская автономная область вошла в состав РСФСР напрямую, без включения в одну из среднеазиатских республик или Казахскую АССР, что усложняло иерархическое пространство РСФСР, но определенно упрощало устройство и управление республик региона. Сторонники Среднеазиатской федерации на местах рассчитывали на увеличение ее самостоятельности, предполагая, видимо, в случае успеха выступать единодушно в отношениях с Москвой, однако вряд ли основательно просчитали риски управления, ресурсного обеспечения и финансирования, как и внутренних противоречий в столь сложном по составу населения, хозяйственным укладам и особенностям традиционных культур регионе.

Для представителей центра – сторонников федерации – важным аргументом служила необходимость устойчивого управления. Как писал Г.И. Бройдо, «из Москвы нельзя руководить ни партией, ни хозяйством, ни советами Средней Азии не столько вследствие дальности расстояния, сколько в силу того, что директива... для Средней Азии может лишь вырабатываться, проверяться на среднеазиатских условиях», в отличие от Урала и Сибири, например, где применим опыт центральной России. К тому же, в центре учитывали и внешнеполитические задачи СССР, да и от идеи мировой революции еще не отказались («каракиргизы – это Памир и пограничная полоса с западным Китаем и

наши форпосты на Тибет») [10, с. 216, 219]. Не менее важным было внимание центра к межэтническим противоречиям по поводу земельных и водных ресурсов, памяти об исторических обидах и пр. Глава Средазбюро ЦК РКП(б) И.А. Зеленский предупреждал, что при пестроте национального состава, разнообразии экономических связей разных групп населения границы республик и областей «сразу и неизбежно установить будет невозможно», и считал, что «"журавлю" будущих спорных выгод экономического объединения... надо предпочесть "синицу" прекращения национальной склоки в них» [11, с.72,78]. Впрочем, избежать трудностей согласования решений и распределения ресурсов внутри региона было не просто и после сложившегося административно-территориального ландшафта Средней Азии.

Итак, Кара-Киргизская автономная область в ходе размежевания в октябре 1924 г. оказалась в составе самой сложно устроенной РСФСР, которую М.И. Калинин вполне справедливо называл центральной страной Советского Союза. Административное деление внутри автономии было увязано с этническим составом населения. В целом совмещение политизации этничности с принципом классовой (социальной) справедливости вызывало проблемы по всему СССР, и споры о границах, как и подвижки в них между соседними административно-территориальными единицами, были почти перманентными. Реорганизация административного ландшафта в Киргизской автономии завершилась лишь в 1930 г., когда были выделены города и районы. На уровне сельсоветов для национальных меньшинств сохранился общесоюзный подход к реализации национальной политики посредством административно-территориальной фрагментации полиэтнического пространства страны.

Столь же важной была повсеместно и кадровая проблема. Коренизация, как еще один важнейший инструмент советского нацистроительства, охватывала все сферы жизнедеятельности общества – управление, образование, социальная и транспортная инфраструктура, экономика и др. На декабрь 1924 г. в органах власти Кара-Киргизской АО было лишь 8,8% киргизов, все они

были ответработниками [12]. В 1925 г., как сообщал И.В. Сталину ответсекретарь Средазбюро ЦК партии И.А. Зеленский, «положение Кара-Киргизии болезненное», требовалось изменение состава партбюро. В него входили 7 киргизов и 4 «европейца» во главе с секретарями Д. Бабахановым и Н.А. Узюковым, но проблема заключалась том, что «партии там почти нет, есть одиночки партийцы, есть кое-какие (и очень мало даже таких) элементы для сколачивания партии» [13].

29 октября 1924 г. совещание членов ВЦИК и ЦИК СССР от автономных республик и областей РСФСР приняло тезисы Отдела национальностей ВЦИК об упрощении государственного аппарата в автономных республиках и областях. Оптимальную численность и структуру органов власти требовалось установить в жестких условиях дефицита средств и масштабы задач всесторонних преобразований. В частности, предлагалось «учитывать, что различие между автономной республикой и губернией заключается главным образом, в объеме прав, а не в количественном составе госаппарата (штате). ...в построение аппарата отдельных республик и областей должны вноситься коррективы, вытекающие из индивидуальных черт каждой автономной единицы, ее экономики и административного деления». Было решено ранжировать автономии по размерам территории, причем «вновь образуемая» Кара-Киргизия, так же, как и Марийская, Чувашская, Вотская, Коми, Чеченская автономные области, были отнесены к 3-й группе как имеющие несколько уездов [14]. Орграспредотделом ЦК партии уже в 1925 г. отмечалось: для 2-й и 3-й групп требуется слияние технических аппаратов органов народного образования, собеса и здравоохранения, упразднения также плановые комиссии, а их функции переходили к облисполкомам [10, с. 323].

Впрочем, традиционные хозяйственные связи, наличие нескольких региональных, местных и центральных органов власти и управления (партийных, советских, экономических) приводили к перманентному смешению функций, перекрестным полномочиям и трудностям согласования. 22 июня 1925 г. 30 деятелей Кара-Киргизии обратились в обком партии,

отправив копии в ЦК и Средазбюро ЦК РКП(б), по поводу проблем в отношениях партийных и советских властей. Они считали недопустимым игнорирование опытных национальных работников, критиковали внутривнутрипартийные группировки и родовую борьбу. Говорилось о необходимости справедливого землеустройства на основе равенства коренного и «европейского» населения, указывалось на дефицит финансирования местной экономики и торговли из-за преимуществ «среднеазиатских торгово-промышленных предприятий» в этом отношении. Здесь, как и в других автономиях, потребовалось вмешательство центра – в область был направлен член ЦКК, которому поручалось выяснить причины и обстоятельства дела, принять необходимые меры и доложить в ЦК [10, с. 287-289]. Инициаторы подверглись обструкции [15, с. 133-137]. Тем не менее, в марте 1925 г. первый учредительный съезд советов области принял решение просить ВЦИК о повышении статуса до автономной республики, в мае область переименовывается в Киргизскую, что повлияло и на изменение этнонима казахов и соответственно названия Казахской АССР. Решение о преобразовании в республику, принятое уже в 1926 г. и реализованное в 1927 г., давало больше управленческих возможностей элите, увеличивало ее численность, укрепляло ее позиции во взаимодействии с равными по статусу автономиями, в решении правовых, финансовых, организационных и иных вопросов.

Между тем на совещании комиссии по советскому строительству в нацобластях и республиках при Оргбюро ЦК РКП(б) 8 и 15 сентября 1925 г. отмечалось, что «в советских органах нацреспублик и областей происходят громадные злоупотребления (обогащение председателей советов и всего его рода)», при этом автономия превращается в родовую. Фиксировалось стремление «создать нечто вроде родового административного деления областей» [16]. В 1926 году аналогичные вопросы поднимались в Москве в январе на совещании В.М. Молотова с секретарями парторганизаций республик с тюркским населением [17], в ноябре на т.н. «рыскуловском» совещании участников III сессии XII созыва ВЦИК [18, с. 44-70].

На форумах обсуждались противоречия партийного и нацистроительства, отчетливо проявились существенные различия между лидерами автономий и представителями центра в их толковании и путях разрешения. Секретарь Средазбюро ЦК партии И.А. Зеленский на совещании в январе заявил, что в Киргизии «рост национального сознания у коммунистов происходит быстрее, чем накопление кадров, которые могут управлять, т.е. культурный рост отстает». Недавно пришедшие в партию вступали в неизбежную конкуренцию с фактически управляющими национальными кадрами, связанными с верхушкой байско-манапских элементов, - считал он. Глава обкома партии Н.А. Узюков дополнил: «Пред нами стоят три основных вопроса: 1) каким образом и какими способами парализовать влияние манапов, 2) как построить нашу партию и 3) как построить работу среди нацменьшинств. Вопрос о манапе – это вопрос о советском строительстве и нашей партии. Киргиз не религиозен. Говорить о сильном религиозном влиянии не приходится, но манапы, которые имеют колоссальное влияние – и политическое, и экономическое, они являются центральной фигурой, которая заменяет и советскую власть, и отчасти нашу партию». В социальном отношении главной была межродовая борьба, а работу по внедрению советской законности в кишлаке и аиле предлагалось вести экономическими средствами, не рассчитывая на быструю победу. Парторганизация области объединяла 5000 человек: «5% рабочих, считая вместе и от станка, и не от станка; 6% батраков и 60% середняков, из них около 30% более зажиточных крестьян, остальные служащие» - такой состав явно не отвечал классовой парадигме большевиков. Предстояло также «провести со всей твердостью борьбу с угнетением нацменьшинств, причем русское население среди них насчитывало 200 тыс., и было «самым угнетенным» [17]. Общие выводы на январском совещании увязывали решение названных вопросов, имевших специфику в каждой республике и области, с более гибкой политикой местного руководства и с успехами НЭП, призванной ускорить развитие экономики и сглаживание социальной напряженности. Этносоциальные факторы

влияли на все сферы развития и определяли политическую культуру всех слоев общества.

«Рыскуловское» совещание руководителей автономий РСФСР, которое по инициативе Т.Р. Рыскулова и С.Д. Асфендиарова состоялось 12 и 14 ноября 1926 г. с ведома главы ВЦИК и ЦИК СССР М.И. Калинина в дни работы III сессии XII созыва ВЦИК, выявило различия в позициях лидеров автономий. Речь о Среднеазиатской федерации уже не шла. Основной фокус сместился к попыткам найти способы давления на центр, дабы принятие решений по всем основным вопросам законодательства, судопроизводства, бюджетного финансирования, хозяйственной специализации принималось с наибольшим учетом интересов российских автономий, но эти самые интересы были весьма различными, что не сулило полного единодушия. Тем не менее, участникам удалось согласовать некую общую платформу предложений, которая в той или иной степени была учтена ЦК РКП(б) и правительством.

Совещание обернулось претензиями к Ю. Абдрахманову, выступление которого было истолковано как непонимание позиции центра и перепиской в т.ч. с Рыскуловым. Абдрахманову пришлось оправдываться за его неверно понятые, как он писал, слова об игнорировании национальных работников и элементах «великорусского шовинизма». В то же время он настаивал на ошибочности сужения прав автономий за счет передачи полномочий некоторым наркоматам РСФСР и отверг обвинения в недооценке успехов национальной политики партии. Неверным Абдрахманов считал и требование индустриализации национальных окраин в ущерб промышленно развитым областям, а также высказался против предложения участников совещания вводить в руководство ЦК и ЦКК партии национальных работников, поскольку главным считал не этнический признак, а деловые качества. Зеленский, также писавший Абдрахманову, предложил обратить внимание не только на неправильные решения совещания в целом, но и, в частности, на противодействие попыткам «протащить федерирование руководящих парторганов нашей партии» [6, с. 29-30]. Имевшие разные образование, политический опыт и административный ресурс деятели вели поиск некоего оптимального, по их представлени-

ям, баланса интересов и сил, что оказывало прямое и косвенное влияние на динамику, содержание и специфику этнополитического развития кыргызов.

На сессии было принято решение о преобразовании Киргизской АО в АССР, и главным докладчиком от центра, руководителем комиссии по подготовке постановления был Т.Р. Рыскулов. К. Аллез считает, что Москва не создавала нации, а позволяла им становиться советскими, поощряя политическую идентичность, и стандартизировала управление, Рыскулов же от общеказакской, мусульманской и тюркской идентичности пришел к советской и пытался в новом качестве сыграть ведущую роль в преобразовании традиционных обществ [19, р. 131, 133]. Однако именно советский федерализм стал главным инструментом нациестроительства, а Рыскулов внес ценный вклад в улучшение отрицаемого Аллезом баланса «между русскими и бывшими инородцами», как активный участник реализации советского проекта, в том числе в отношении кыргызов. Свою роль сыграло преобразование Чувашской автономной области в автономную республику в 1925 г., подстегнувшее желания других автономий повысить свой статус, что проявилось на совещании в 1926 г. Рыскулов, обращаясь на сессии к делегатам ВЦИК, оценил повышение статуса Киргизии до автономной республики в контексте общесоюзных задач – связности регионов, в том числе за счет предстоящего строительства Турксиба. Большое внимание он уделил и достижению хлопковой независимости, развитию текстильной промышленности, улучшению хозяйственных связей и взаимных поставок продукции и др. Одновременно он оценивал изменение государственного облика РСФСР вместе с задачами оптимизации управленческих механизмов, которые после размежевания оказались достаточно запутанными: «...с точки зрения планирования хозяйства и интересов самой Киргизской Области, необходимо было бы увязать все плановые хозяйственные вопросы, проходящие по плану Средней Азии, одновременно с органами РСФСР». Благодаря правильной советской политике в национальном вопросе, считал он (как бы заранее отвечая Аллезу), Киргизия быстро

развилась и будет развиваться впредь, а оформление в республику «безусловно необходимо, так как киргизская нация оформилась в качестве целостного комплекса, имеет определенную ценность в общем балансе союзного и федеративного хозяйства и в отношении среднеазиатских хлопковых районов» [20, с. 172-174].

Выступавший следом и ставший в Киргизской АССР первым главой правительства Ю. Абдрахманов заметил с обидой, что в центре путали киргизов, считая их тоже казахами, а в итоге «за наш счет в центральном аппарате Туркестанской Республики сидели наши братья-казаки, которые больше всего защищали, разумеется, свои национальные интересы, а не наши, и это положение привело к тому, что при национальном размежевании не было кому защищать наши интересы, не было кому говорить о том, что Киргизию обижают, что ей мало дают, что ей нужно давать больше. ... мы до сих пор никак не можем добиться того, чтобы доля, причитающаяся нам по национальному размежеванию, - была нам отдана. ... Наша отдаленность от РСФСР создает невероятную путаницу в нашей деятельности. Наркоматы РСФСР, будучи оторваны от нас, не в состоянии нормально финансировать те наши отделы, которые проходят по сметам РСФСР». Очевидно, именно поэтому кыргызские деятели настаивали на прямом вхождении в состав РСФСР. Он не согласился с Рыскуловым по поводу скотоводства как единственной базы развития, поскольку проблема, считал он, заключается в недостатке финансирования.

Председатель облисполкома Кара-Киргизской АО А. Уразбеков 8 ноября, при обсуждении вопроса на сессии, выступил с кратким докладом по политической части. Он говорил на родном языке, затем с переводом выступил постоянный представитель Киргизии при ВЦИК Т. Токбаев (на совещании 12 и 14 ноября Уразбеков тоже выступал с переводчиком). Его речь была посвящена значению преобразования области в республику. По «деловой части» докладывал И.А. Фатьянов, подробно рассказавший об основных отраслях экономики, состоянии социальной сферы, кадров и др. На сессии делегатам были представлены 22 диаграммы, графики и таблицы, самым подробным обра-

зом отражавшие состояние дел в автономии по всем областям развития [20, с. 148-183]. К работе сессии здесь же была развернута подготовленная при кураторстве Токбаева выставка «Быт и экономика Кыргызстана», и кыргызская делегация сфотографировалась с М.И. Калининым у юрты. Представитель Наркомфина Р.Я. Левин обозначил символику выставки: «Когда вы выходите в соседний зал — в Георгиевский — и видите в этом Большом дворце первобытную кибитку кочевников, то вам в глаза бросается громадное расстояние между этой кибиткой и Георгиевским залом» [20, с. 827]. Десакрализация имперского статуса Большого Кремлевского дворца совмещалась с возвышением положения и расширением возможностей народов, представители которых впервые становились непосредственными участниками исторических процессов в качестве членов ВЦИК, заседаая в Андреевском (Тронном) зале. Среди них были не только представители номенклатуры, но и в большом количестве выдвинутые новой политикой бывшие социальные низы – дыйкане, кочевники, рабочие и крестьяне, низовая интеллигенция всех национальностей РСФСР.

Комиссию по подготовке резолюции о Кыргызской АССР возглавил Т.Р. Рыскулов, в нее вошли также руководитель отдела национальностей ВЦИК С.Д. Асфендиаров, глава Дагестанского ЦИК Н.П. Самурский, член президиума ВЦИК С.Н. Извеков, член президиума ВСНХ РСФСР В.В. Фомин, И. Кошкинов, В.Д. Каспарова, председатель исполкома Кыргызской АО А. Уразбеков, его заместитель И.А. Фатьянов, выступавший с основным докладом на сессии, Ю. Абдрахманов, 1-й секретарь обкома партии Киргизии Н.А. Узюков, Д.С. Садаев, М.И. Лацис (от наркомзема), Р.Я. Левин (НКФин), В.И. Иванов (ВСНХ), Г.В. Чухрита (Наркомат торговли), А.А. Платонов (Малый СНК).

18 ноября сессия приняла постановление преобразовать Кыргызскую автономную область в Кыргызскую Автономную ССР, как федеративную часть РСФСР. Глава комиссии по подготовке резолюции о преобразовании Кыргызской АО в Кыргызскую АССР Рыскулов доложил, что резолюция распадается на три части – собственно констатация решения, вторая – о достижениях АО «по линии хозяйственного и советского строительства». Как

он сказал, пункты этой части «построены так, чтобы, во-первых, правильно отразить по их удельному весу основные экономические отрасли хозяйства Кыргызской Области, а с другой стороны, учесть то значение и роль хозяйства Кыргызской Области, которые она имеет для всего хозяйства Союза и ближайших хлопководческих районов Средней Азии. С учетом этих двух моментов и разработаны очередные практические задачи хозяйственного строительства. В вопросах хозяйства особенно отмечается неналаженность транспорта. Кыргызская Автономная Область в отношении транспорта чрезвычайно не налажена, и это обстоятельство тормозит общехозяйственное развитие области. Поэтому в специальном пункте подчеркивается необходимость налаживания транспорта, особенно железнодорожного. третья - об очередных задачах по хозяйственному строительству». В третьей части, отметил он, отражена «необходимость увязки хозяйства Кыргызской Области с хозяйством РСФСР и обеспечения отражения интересов Кыргызской Автономной Области в общехозяйственных планах Средне-Азиатских Советских Социалистических Республик» [20, с. 839-841]. Рыскулов как один из заместителей главы правительства РСФСР отражал общегосударственный подход и необходимость включения локальных задач развития региона в комплекс вопросов социально-экономической модернизации всей страны. Как пишет В.М. Плоских, именно по инициативе и под контролем Рыскулова железная дорога была проведена от Фрунзе до Токмака, с возможным продолжением до Иссык-Куля. В то же время он отмечает, что при выборе маршрута южного участка дороги благодаря Рыскулову он прошел по территории Казахской АССР, т.н. Курдайский вариант был отвергнут, и северная часть Киргизии осталась в стороне от Турксиба [15, с. 229-230].

1 марта 1927 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили Положение о государственном устройстве Кыргызской АССР. Участвовавшие в совещании под руководством Рыскулова киргизские деятели, наряду с другими, выражали неудовлетворенность конкретными действиями центра в отношении регионов, связанными с недоверием, плохим знанием и учетом этносоциальной специфики, креном в сторону централизации управления. Ю.

Абдрахманов раскритиковал деятельность Отдела национальностей ВЦИК во главе с С.Д. Асфендиаровым, как имеющего незначительный вес в наркоматах и самом ВЦИКе и неспособного «оказать защиту интересам окраин», заявил об умалении значения «борьбы с великорусским национализмом», когда якобы национальные окраины рассматриваются лишь как поставщики сырья в ходе индустриализации, и предложил идти по пути расширения полномочий автономных республик и областей. А. Уразбекова же волновали практические вопросы развития сельского хозяйства и образования в Киргизии, которое было невозможно без помощи из центра. Надежды он возлагал на комиссию М.И. Калинина, которая занималась взаимоотношениями центра и национальных регионов в РСФСР [21, с. 49-51, 112-113].

Комиссия «Строительство РСФСР, нац. республик и областных органов в составе РСФСР» во главе с М.И. Калининым работала с 22 июня 1926 г. до 11 марта 1927 г. Она аккумулировала большой массив информации и достаточно полный спектр мнений и предложений автономистских деятелей, руководства наркоматов и ВЦИК, которые были в той или иной степени учтены в организационно-политической и законодательной практике. В целом, например, местный бюджет РСФСР без учета автономий составил 191% в сравнении с 2-годичной давностью, в автономных республиках – 205. На сессии были утверждены положения о ряде наркоматов, что упорядочивало такое взаимодействие после принятия Конституции РСФСР в 1925 г., принят проект нового Положения о судостроительстве РСФСР с учетом недавно прошедших дебатов [20, с. 826]. Шлифовка взаимоотношений центра и автономий была неотъемлемой частью курса власти на развитие государства с разностатусным этнополитическим положением субъектов федерации и специфическими социокультурными условиями модернизации на советской основе.

Повышение статуса Киргизской АО до автономной республики являлось частью сложных преобразований в РСФСР и в целом Советском Союзе. Они были связаны с уточнением границ и районированием, обеспечением экономического и социально-культурного подъема, конкуренцией между руководителями автономий по во-

просам финансирования, представительства в центральных учреждениях, внутриэлитными отношениями. Не менее сложными представляются альянсы, стратегические и тактические, между всеми персонажами – участниками преобразований. Дискуссии вокруг статуса и полномочий автономий в меняющемся государственном организме выявили многофакторный характер этнополитического развития кыргызов и других народов СССР. Он стал результатом адаптации доктринальных установок правящей партии к реальности, учитывающей специфику функционирования государства с его этнорегиональными экономическими, культурными и социальными различиями. Как считает А. Болпонова, родоплеменная организация продемонстрировала способность к адаптации новаций и реформирования властных органов «под себя», причем часть родоплеменных групп укрепила свою власть и создала собственную управленческую инфраструктуру [22, с. 135]. Формирование федеративного облика советского государства потребовало учитывать сложившиеся межрегиональные, хозяйственные, социально-культурные связи, границы и межэтнические коммуникации.

Среди проблем этнополитического развития кыргызов, нуждающихся в дополнительном исследовании, стоит отметить роль национальной интеллигенции – творческой, учительства, сотрудников периодических изданий, радио, культурно-просветительных учреждений, театра и кино. Все они, наряду с партийными и советскими структурами, внесли весомый вклад в конструирование этноидентичности, отношения к власти и государству, представлений общества о смыслах и ценностях национальной культуры и моделей поведения в новых исторических условиях. Все еще мало изученными остаются проблемы нациестроительства второй половины XX века, когда произошли не только количественные, но и качественные изменения в социальной структуре общества, воспитанная и образованная в советских условиях гуманитарная интеллигенция стала играть значимую роль в трансформации самосознания наций, номенклатура союзных республик изменилась по составу. Утверждения о том, что центр был главным создателем этнорегионального представительства в

руководстве республики [22], очевидно, стоит дополнить анализом не только существа региональных внутри этнических взаимоотношений, но и практической возможности Москвы контролировать и направлять их, с учетом того, что в позднесоветский пери-

од высшее руководство союзных республик приобрело существенные преференции для самостоятельного управления на фоне (само)убежденности центра в достаточности предпринимаемых мер и удовлетворенности регулярными пафосными докладами с мест.

Литература:

- 1 Арабаев А.А. Национально-государственное размежевание республик Средней Азии и правовые основы образования советской автономии кыргызского народа // Ученые записки Академии экономики и права. 2011. № 01(20). С. 6-13.
- 2 Жумагазиева Н.М. Особенности развития советской государственности в Кыргызстане // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2013. № 1 (24). С. 20—24.
- 3 Аманжолова Д. А., Дроздов К. С., Костырченко Г. В., Красовицкая Т. Ю. Советская федерация: от империи к модерности. 1917–1941 гг. / М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 832 с.
- 4 Халид А. Национально-территориальное размежевание Средней Азии // Ислам в России и Евразии (памяти Дмитрия Юрьевича Арапова). СПб: Алетейя, 2021. С. 395-415.
- 5 Железнов Б.Л. Конституционно-правовые институты автономных республик в советский период // Вестник экономики, права и социологии. 2008. № 4. С. 54-67.
- 6 Сарсенбаев Б.С. Одна судьба двух государств. Кыргызско-казахские Взаимоотношения в первые десятилетия Советской власти. Бишкек: КРСУ, 2015. с 304.
- 7 Курманов З., Сарсенбаев Б. Абдыкерим Сыдыков у истоков рождения кыргызского филиала партии «Алаш» // Вестник КГУ им. И. Арабаева. 2020. № 4. С.46-52.
- 8 Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 86. Д. 24. Л. 13, 15, 24.
- 9 РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 1. Д. 101. Л. 55.
- 10 ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. 1918-1933 гг. М.: РОССПЭН, 2005. 784 с.
- 11 Зеленский И. Национально-государственное размежевание Средней Азии. Ташкент: Средне-Аз. гос. издат-во, 1924. 86 с.
- 12 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 7. Л. 208.
- 13 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 739. Л. 134, 150.
- 14 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 188. Л. 5.
- 15 Плоских В.М. Трагические страницы истории. Бишкек: Нео Принт, 2016. 416 с.
- 16 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 188. Л. 26.
- 17 «Как вести руководство, на что ориентироваться?» Стенограмма совещания секретарей парторганизаций в ЦК ВКП(б) по вопросу о «большевизации национальных кадров». 1926 г. // Исторический архив. 2015. № 5. С. 100–125.
- 18 Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М.: Гос. учреждение «Московский Дом национальностей», 2008. 831 с.
- 19 Hallez X. Turar Ryskulov: the Career of a Kazakh Revolutionary Leader during the Construction of the New Soviet State, 1917-1926 // Colloquia Humanistica. 2014. № 3. P. 119-134.
- 20 III сессия ВЦИК XII созыва. Стенографический отчет. М.: Издание ВЦИК, 1926. 891 с.
- 21 Рыскулов Т.А. Представительство Кара-Киргизской автономной области в Москве при президиуме ЦИК РСФСР в 1924 — 1927 гг. // Новая наука: современное. состояние и пути развития. Уфа, 2015. № 3. С. 56—59.
- 22 Болпонова А.Б. История и эволюция клановой системы в политических процессах кыргызского общества (XIX - XXI вв.). Бишкек: Maxprint, 2013. 284 с.